

СОДЕРЖАНИЕ

Записная книжка
Дэниела Декейтера
Эммета

9

ЧАСТЬ

I

17

ЧАСТЬ

II

215

ЧАСТЬ

III

283

Благодарности

345

Посвящается Дэнзи

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

ДЭНИЕЛА ДЕКЕЙТЕРА ЭММЕТА

*Я в город приехал позавчера,
А там шумят, там просто ужас,
Сторожа ночные так и спуют
Орут, дескать, старый Дэн Макер тут
Прочь, ты не нуржен, прочь, ты не нуржен,
Прочь, Дэн Макер, ты нам не нуржен,
Ты уже опоздал на ужин.*

*Овца и барашек паслись среди полей
Барашек, сказала овца, ты можешь бежать шиблей
Мише, то ты, овечка, гу, слышишь, волк рылит,
Ой-ой, божжеки, овечка, никак это бульдог рылит,
Прочь, ты не нуржен, прочь, ты не нуржен,
Прочь, Дэн Макер, ты нам не нуржен,
Ты уже опоздал на ужин.*

*Бритва моя остра, прямо-таки загляденье,
Да еще с собою бутылъ — славное угощенье,
Дэн Макер жует кукурузу, овечка жует овес,
Я сразу тебя обрею, как вода прогреется скрозь.
Прочь, ты не нуржен, прочь, ты не нуржен,
Прочь, Дэн Макер, ты нам не нуржен,
Ты уже опоздал на ужин.*

Навроде как сойка в ластогинном гнезде,
Ради спасенья души шастает он везде,
Старый Макер в норку забрался,
А там девять аль десять летят.

Прогь, ты не нужен, прогь, ты не нужен,
Прогь, Дэн Макер, ты нам не нужен,
Ты уже опоздал на ужин.

Намедни пошел я в добрые люди
Послушать, как Макер молиться будет.
Все перепились акромья меня
И старый Дэн Макер взял гелюсть коня.

Прогь, ты не нужен, прогь, ты не нужен,
Прогь, Дэн Макер, ты нам не нужен,
Ты уже опоздал на ужин.

Старый Зип Кун

Я в Сэнди-Хук заявился под вегер,
Я в Сэнди-Хук заявился под вегер,
Я в Сэнди-Хук заявился под вегер,
Глядь — старый Зип Кун: ба, вот так встреча!
Старый Зип Кун самый угенный на всей земле,
Старый Зип Кун самый угенный на всей земле,
Он на банджо поет про енота в дупле.

Видели, как в океане плавает дикий еусь?
Видели, как в океане плавает дикий еусь?
Видели, как в океане плавает дикий еусь?

Никого красивее гуся я вам сыскать не берусь.
 Когда дикий гусь подмигнет, так и манит за ним нырнуть,
 А когда дикий гусь взвоголет, всякий готов цыкнуть.

Кабы я был президент Соединенных Штатов
 Кабы я был президент Соединенных Штатов
 Кабы я был президент Соединенных Штатов
 Я бы сосал леденец и ворота распаливал настезью,
 А тех, кто мне не по нраву, я на порог не пуцал бы,
 И так я их не пуцал бы, что Крокет сам осергал бы.

Индюк в соломе

Когда наш отряд по дороге катил,
 С тяжелой поклажей и вовсе без сил,
 Я щелкнул кнутом, пристяжная прыг-скок,
 Ослобля ушла за мальми не вбок.

Припев:

Индюк на соломенной крыше, индюк на стоге с травой,
 Ночь напролет пляши, вкалывай день-деньской,
 Заверни их, покрути да закинь повыше,
 И песню спой про индюка на соломенной крыше.

Как доят коров, не видал я в глаза,
 Дом я, дом — оказалась коза.
 На скирде соломы мартышка сидит,
 На тётцу свою так хитро глядит.

(Припев)

Индюк на соломенной крыше, индюк на стоге с травой,
Старая сивка ни тпру ни ну — что поделать с такой?
Заверни их, покрути да закинь повыше,
И песню спой про индюка на соломенной крыше.

Синекрылая муха

Когда молод я был, я массе служил
За столом тарелки ему подносил
И бутылки, чтобы горло смогить, подавал,
И еще синекрылых мух отгонял.

Припев:

Хрусти кукурузой, Джимми, мне на всё наплевать,
Хрусти кукурузой, Джимми, мне на всё наплевать,
Хрусти кукурузой, Джимми, мне на всё наплевать,
Моего массы нет.

Днем хозяин мой ездит верхом,
Я за ним с метелкой бегом,
Колп муха укусит лошадь,
Та живо хозяина сбросит.

(Припев)

Ферму он объезжал как-то раз,
Мух слетелось — просто страсть,
Одна тятнула его в ляжку,
Черт бы подобрал канашку.

(Припев)

*Лошадь вздыбилась, понесла,
В ров хозяина из седла.
Он помер — по тьей прорухе?
Суд решил: синекрылой мухи.*

(Припев)

*Под хурмой его скоротили,
А на камне ему согнали:
"Здесь лежу я, любезные други,
По вине синекрылой мухи".*

ЧАСТЬ

ГЛАВА 1

Эти маленькие негодники притаились в высокой траве. Луна, пусть еще и не полная, светила ярко и стояла как раз за ними, так что я видел их яснее ясного, хотя и было уже очень поздно. Возле черной холстины вились светляки. Я дожидался у кухонной двери мисс Уотсон, покачивая ногой расшатавшуюся ступеньку: завтра хозяйка наверняка велит ее починить. Я ждал, пока мисс Уотсон вынесет мне сковороду с кукурузным хлебом, который она испекла по рецепту моей Сэди. Вся жизнь для раба — сплошь ожидание: ждешь-пождешь и снова ждешь. Ждешь указаний. Ждешь кормежки. Ждешь скончания дней. И в довершение всего ждешь заслуженного и справедливового христианского воздаяния.

Эти белые пострелята, Том с Геком, наблюдали за мной. Они вечно выдумывали забавы, в которых я был то злодеем, то жертвой, но непременно игрушкой для них. Носились в бурьяне среди клещей, комаров и прочих кусачих мошек, но мне все-таки

не докучали. Однако белым надобно потакать, так что я спустился во двор и выкрикнул в темноту:

— Енто кто еще там впотьмах?

Они захихикали, неуклюже закопошились. Эти мальчишки не сумеют подкрасться и к слепоглоухому, даже если будет играть оркестр. Чем с ними возиться, лучше уж тратить время на пересчет светляков.

— Нешто сесть на крыльцо да пождать, вдруг опять чего и услышу. Не ровен час, там ведьма али нечистый. Побуду уж лучше тут, где меня, старика, не достанут.

Я уселся на верхней ступеньке, прислонился к столбу. И прикрыл глаза от усталости.

Мальчишки перешептывались увлеченно, я слышал их так же ясно, как церковный колокол.

— Никак уснул? — спросил Гек.

— Вроде да. Говорят, негры засыпают вот так. — Том щелкнул пальцами.

— Тс-с, — шикнул на него Гек.

— А давай его свяжем, — предложил Том. — Привяжем его к столбу, у которого он сидит.

— Нет, — возразил Гек. — Вдруг он проснется и поднимет шум? И тогда в доме узнают, что я на улице, когда мне положено быть в постели.

— Ну и ладно, — сказал Том. — Знаешь что, мне нужны свечки. Я проберусь на кухню мисс Уотсон и прихвачу свечек.

— А ну как разбудишь Джима?

— Никого я не разбужу. Спящего негра даже гром не разбудит. Неужели ты совсем ничего не знаешь? Ни гром, ни молния, ни львиный рык. Мне рассказывали об одном, он проспал даже землетрясение.

— Интересно, каково это, когда землетрясение? — спросил Гек.

— Это как твой папаша будит тебя среди ночи.

Мальчишки неловко двинулись в дом, по скрипящим жалобно половицам, и не то чтобы осторожно поползли на карачках на кухню сквозь голландскую дверь мисс Уотсон. Я слышал, как они шарят по ящикам и шкафам. Но глаза так и не открыл и не обращал внимания на севшего мне на руку комара.

— Нашел, — сказал Том. — Я возьму три.

— Нельзя просто так забрать у старухи свечки, — возразил Гек. — Это же воровство. А если подумают на Джима?

— Я ей оставлю пять центов. Этого более чем достаточно. И на раба никто не подумает. Где ему взять пять центов? Пошли уже, пока она не явилась.

Мальчишки вышли на крыльцо. Вряд ли они отдавали себе отчет, сколько наделали шуму.

— Ты лучше оставь ей записку, — посоветовал Гек.

— Ни к чему, — возразил Том. — Пяти центов за глаза хватит.

Я почувствовал, что мальчишки повернулись ко мне. Я не пошевелился.

— Чего ты? — спросил Гек.

— Да вот хочу подшутить над стариной Джимом.

— Ты разбудишь его, и все.

— Тише ты.

Том шагнул мне за спину и ухватился за поля моей шляпы.

— Том, — жалобно произнес Гек.

— Тс-с-с, — шикнул на него Том и снял с меня шляпу. — Я просто повешу шляпу на этот гвоздь.

— Чего ради? — спросил Гек.

— Он проснется и решит, что это проделки ведьм. Дорого бы я дал, чтобы это увидеть.

— Ладно, шляпа висит на гвозде, а теперь пошли, — сказал Гек.

Из дома донесся шум, мальчишки бросились наутек и, поднимая пыль, вприпрыжку умчались за угол. Я слышал, как их топот стихает вдали.

В дверях кухни кто-то стоял.

— Джим?

Мисс Уотсон.

— Да, мэм?

— Спал ты, что ли?

— Нет, мэм. Я умаялся, но не спал.

— Ты заходил ко мне в кухню?

— Нет, мэм.

— Кто-то еще заходил ко мне в кухню?

— Да я вроде как и не видел, мэм. — Что, кстати, была правда, поскольку я все это время просидел с закрытыми глазами. — Не видел я, чтобы кто заходил в вашу кухню.

— Вот твой хлеб. Скажешь Сэди, что мне понравился ее рецепт. Только я кое-что добавила от себя. Чтобы его улучшить.

— Да, мэм, всенепременно скажу.

— Гека не видел? — спросила она.

— Видел раньше.

— Давно?

— Порядочно, — ответил я.

— Джим, ответь мне на вопрос. Ты заходил в библиотеку к судье Тэтчеру?

— Куда к судье Тэтчеру?

— В библиотеку.

— Это комната с книжницами?

— Да.

— Нет, мэ. Книжницы-то я видел, а в комнате не бывал. А для чего вы спрашиваете?

— Да просто он обнаружил, что кое-какие книги стоят не на своих местах.

Я засмеялся.

— Чего бы мне делать с книгой?

Она тоже засмеялась.

Кукурузный хлеб был завернут в тонкое полотенце, и я переключивал его из руки в руку, потому что он был горячий. Думал было откусить кусочек, поскольку проголодался, но мне хотелось, чтобы Сэди с Элизабет попробовали его первыми. Когда я вошел в дом, Лиззи подбежала ко мне, приняв меня, как гончая.

— Чем это пахнет? — спросила она.

— Думаю, этим вот кукурузным хлебом, — сказал я. — Мисс Уотсон испекла его по рецепту твоей мамы, и пахнет, конечно, славно. Правда, она сообщила мне, что кое-что изменила.

Сэди подошла и поцеловала меня в губы. Погладила по щеке. Сама нежная, губы нежные, а руки, как у меня, огрубели от работы в поле, хотя не утратили ласки.

— А полотенце я непременно ей завтра отдам. Белые о таких вещах не забывают. Сдается мне, они каждый день выкраивают время пересчитать чашки, ложки, полотенце и прочую утварь.

— Чистая правда. Помнишь, как я в тот раз забыл вернуть грабли в сарай?

Сэди положила хлеб на колоду — точнее сказать, на пенек, служивший нам столом. Разрезала. Дала нам с Лиззи по ломтю. Мы откусили. И переглянулись.

— А ведь так хорошо пахнет, — сказала малышка.

Сэди отщипнула кусочек, отправила в рот.

— Честное слово, у этой женщины талант плохо готовить.

— Мне обязательно доедать? — спросила Лиззи.

— Необязательно, — ответила Сэди.

— Но что ты ей скажешь, когда она спросит тебя про хлеб? — поинтересовался я.

Лиззи откашлялась.

— Мисс Уотсон, я отродясь не едала такого вкусного хлеба.

— Лучше скажи “не едывала”, это будет правильная неправильная грамматика.

— Я отродясь не едывала такого вкусного хлеба, — повторила она.

— Отлично, — сказал я.

На пороге нашей хижины показался Альберт.

— Джеймс, ты идешь?

— Я сейчас. Сэди, ты не возражаешь?

— Иди, — разрешила она.

Я вышел из дома и направился к большому костру, возле которого сидели мужчины. Меня поприветствовали, и я сел. Мы обсудили, что стало с беглецом с соседней фермы.

— На нем живого места не оставили, — сказал Дорис.

Дорис — мужчина, но работорговцев, которые дали ему такое имя, это ничуть не смутило.

— Всем им место в аду, — сказал Старина Люк.

— А с тобою сегодня что приключилось? — спросил меня Дорис.

— Ничего.

— Наверняка ведь что-нибудь да приключилось, — заметил Альберт.

Они ждали, что я расскажу им историю. У меня это явно получалось неплохо — рассказывать истории.

— Ничего, разве что меня сегодня унесло в Новый Орлеан. А кроме этого ничего и не приключилось.

— Куда унесло? — удивился Альберт.

— Туда. А дело было вот как: задремал я около полудня, да так сладко, опомнился — глядь, а я уж на людной улице, вокруг меня экипажи, запряженные мулами, и чего только нет.

— С ума ты сошел, — сказал кто-то.

Тут Альберт подал мне предостерегающий знак, что рядом белые. Я услышал, как в кустах кто-то возится неуклюже, и догадался, что это мальчишки.

— Да я ж и говорю: сперва гляжу, шапка моя на гвозде. Эва, сказал я себе, а ить я ее туда не вешивал. Как она там очутилася? Я и смекнул, что енто проделки ведьм. Я-то их сам не видал, но как пить дать они. И одна из ентих, как их, ведьм, которая сцапала мою шапку, отправила меня в самый Норлеан. Хотите, верьте, хотите, нет.

Мое деланое просторечие предупредило остальных о близости белых. Вот так мой спектакль для мальчишек заложил основу истории. А история ста-